

Вот увлекательный рассказ, в котором герой (неясно кто) встречается (непонятно с кем) и они едут (куда-то туда), а потом почему-то что-то случается, и все портится. Так жалко! Что это было? Я не знаю. Понять в точности ничего нельзя: все как-то сдвигается и ускользает. Происходит невесть что, и, главное, происходит ли вообще? Рассказ в хорошей абсурдистской традиции – Льюис Кэрролл? Хармс? Со смешными литературными реминисценциями, с легкой, впроброс цитатой из Гумилева (найди ее, читатель!). Тот волшебный случай, когда белиберда становится литературой, околесица поднимается до уровня высокой художественности, и нам смешно, и странно, и сердце щемит: все как мы любим.

Татьяна Толстая

пересадят. Хо! Не ожидал такой прыти от офисного скромняги?! Ну я ему еще покажу, я им всем покажу! Я чувствовал, как злоба закипает и подступает к горлу.

– С вами все в порядке? – Он смотрел участливо и заинтересованно.

Внезапно мне захотелось, чтобы он остался. У него был благородный нос и вполне приличный лоб. Не такой высокий, как мой, но тоже ничего.

– Вам там не понравится, – сказал я.

– Где?

– В соседнем купе. С этим мужиком я ездил в прошлом году, он жуткий зануда. А другие купе переполнены.

Я, конечно, врал и про мужика, и про переполненные купе. Но я хотел, чтобы он остался.

– Ты – псих?

Секунд тридцать я раздумывал над тем, чтобы смертельно обидеться, но потом решил, что еще успею. Сейчас же мне хотелось поговорить, и я решил признаться.

– Ну, честно говоря, я с ним не знаком. Честно говоря, даже не знаю, кто едет в соседних купе. Но ты оставайся.

Он смотрел задумчиво, подперев щеку кулаком.

– Оккама. – Он протянул руку. – Меня зовут Оккама. Я лесник.

– Врешь же, да? Не видел ни одного лесника с таким лбом.

– А ты их вообще видел? Хоть одного?

Я задумался: лесников я не встречал, но был уверен, что человек с таким лбом, в таких ботинках и с таким именем просто не может быть лесником. В моей картине мира лесники были косматыми детьми, с большими ручищами и звали их... Как их звали, какие у них были лбы и ботинки, я не придумал. Но точно не такие, как у моего соседа.

– Ну врешь же?

– Конечно, вру! А ты-то сам кто?

Так мы и подружились. Офисный псих и лесник в бродях.

2.

Я устало плелся следом, то и дело чертыхаясь. Спина у Оккамы была узкая, что немного сглаживало противоречия, но шагал он бодро, да еще и насвистывал. Небо было серое, воздух холодный, настроение зябкое. Только придурок станет насвистывать в такую погоду. На это нельзя было не злиться, и я злился. Может, на веселого придурка Оккама, может, на себя.

– Как думаешь, этот подойдет? – Он гордо пнул ногой ствол дуба, и меня окатило холодной водой с веток. – У нас будет свой тотем!

– Почему дуб? Не хочу ассоциироваться с дубом. Это как-то не благородно. Вот если бы с орлом, на худой конец, с медведем.

– Тогда надо было идти в зоопарк, а не в лес. Мог бы сразу сказать.

– Слушай, почему нужно только через прямую визуализацию? Где ты вообще набрался этой чуши? Ты думаешь, живой медведь чем-то отличается? Давай просто решим, что наш тотем – волк, и дело с концом.

Так мы и решили. Я стал серым, он стал белым. Два веселых придурка.

3.

Веселых – это я просто так сказал. Ну, типа, пошутить хотел. На самом деле поводов для радости было мало. Рабочий день тянулся бесконечно. Я то и дело посматривал на часы и ждал, когда стрелка доползет до шести. Ближе к четырем мое настроение улучшилось: осталась всего пара часов, и начнется совсем другая жизнь.

Оккама стоял под дождем. Нет бы спрятаться под козырек подъезда, так этот тип напялил шляпу и озирался по сторонам, как вылупившийся птенец. Я еще подумал уйти через заднюю дверь и дать деру.

– Наконец-то! – Его глаза светились подозрительной для такой погоды радостью. – У меня для тебя хорошая новость: я купил коня! Практически задаром! Пришлось, правда, пообещать, что дам ему приличное имя. У тебя нет, случайно, приличных имен на примете?

– Зачем нам конь? – Я обрадовался, что не сбежал, вечер обещал не быть томным.

– У каждого благородного волка должен быть собственный конь и оруженосец. Ты кем хочешь быть?

– Только не конем. А его назови Росинантом.

– У, скучно, – завыл Оккама. – Я животных, понимаешь, люблю, а с таким имечком впору повеситься. Я назову его Олег. Вещий Олег. И не спорь.

От остановки отделилась бледная тень в крапчатой кепке. Кепка меня очень заинтересовала. Давно подумывал о такой. Интересно, где он ее взял?

– Я согласен, – сказала тень и протянула мне руку, – Олег, Вещий Олег.

Так нас стало трое. Веселый белый волк, унылый псих-оруженосец и конь-шизофреник.

4.

Правило первое. – Я сурово оглядел эту парочку ненормальных и задержал взгляд на Вещем Олеге. – Каждый сам добывает себе еду. И даже конь. Я решил сразу расставить точки над «и», пока этому типу не вздумалось, что раз он конь, а я оруженосец, то буду кормить его задарма.

– Вообще-то, – возразил Оккама, – мы в ответе за тех, кого приручили, а конь – это зона ответственности оруженосца.

– Вообще-то, – заупрямился я, – ты его притащил, ты имя придумал, вот сам и корми своего Вещего Олега.

– Вообще-то, – тряхнул головой конь, – моя фамилия не склоняется. Правильно говорить: «своего Вещий Олега». Но в целом согласен. Один нюанс: «каждый сам» – это вот прям поодиночке, или можно добывать еду вместе, ну то есть конь тоже может участвовать в процессе добычи?

Самоотверженность коня меня подкупила, он начинал мне нравиться.

– Можно и вместе, – смягчился я, – есть конкретные предложения?

Олег задумчиво пригладил густую челку, решительно фыркнул и сорвался в галоп.

Бежали мы долго. Вещий летел стрелой, за ним неся Оккама, высоко вскидывая коленца. Я трусил последним, пытаюсь прогнать навязчивое про голову, которая ногам покоя не дает. С забора за забегом дурной троицы ошалело наблюдал кот. Видимо, он решил, что ноги оруженосца – самые подозрительные ноги, и вознамерился не дать им ходу. Не на того напал! Короткая схватка только придала мне сил, и, обогнав Оккаму, я уже мысленно обошел Олега на ноздрю, как вдруг он внезапно затормозил и встал, как вкопанный.

– Это здесь. – Конь ткнул копытом в подозрительно приличную дверь. – Кормят хорошо. Платить либо деньгами, либо правдой. Я за правду. Буду мясо.

– Хорошенькое дельце, а кто говорил, что участвует? Правда у каждого своя, а за ужин платим в складчину. – Я, видимо, погорячился с симпатией, к коню стоило еще присмотреться.

Выручил Оккама: он передел пиджак наизнанку, со значением помахал кредиткой перед моим гордым носом и уверенно дернул дверь.

Дверь не была уверена. Ей было известно, что вход с животными запрещен, но она первый раз видела говорящего коня и была весьма заинтригована. И потом, конь был милый и удивительно смахивал на человека. В итоге она решилась, утешая себя

мыслью, что хозяин не такой дурак, чтобы увольнять приличную дверь без существенной причины. А если уволит, так что ж? Может, это шанс начать новую жизнь.

Так в нашей компании появилась женщина – оптимистка, мечтавшая стать юнгой.

5.

Я думал, что мы проведем вечер вчетвером, но к полуночи компания разрослась и нас стало шестеро: помимо двери, за нашим столом из наших мисок ели Маша и ее выдуманный друг.

Я смирился и меланхолично размышлял: а кто настоящий, кто невыдуманный? Куда мы идем и что будет дальше?

Конь не отводил взгляда от Двери и нараспев читал про то, что он-де знает, что ей не пара, что пришел из другой страны. Дверь краснела, заливалась тихим смехом, грезилась о личном.

Оккама сидел на краешке стола, умильно взирал на обглоданные кости и бубнил про бренность бытия. Глаза его лучились счастьем и умиротворением. Он встал и направился к туалету, плавно покачиваясь в такт конской лирике. Таким я его и запомнил.

Позже хозяин вызвал полицию и сообщил, что посетитель порезался бритвой. Насмерть.

Полицейский, что нас допрашивал, был энергичен и свеж. Сначала он хотел допросить каждого поодиночке, но конь как обычно заупрямился. Заявил, что мы трое – он, я и Дверь – заодно, а Маша с другом не из нашей компании.

Тогда полицейский решил разделаться со всеми разом.

– Быстрее расколется, – подмигнул он хозяину, – у меня авторский метод.

Я смотрел на него и думал, что после смерти Оккамы я – главный, потому что с коня и двери какой спрос. Еще я думал взять полицейского на место белого волка, раз уж оно освободилось. А про то, кто убил Оккаму, я не думал. Нам же сказали, что он сам порезался.

А потом оказалось, что не сам и мы все под подозрением. Больше других подозревался Машин друг. Полицейский все спрашивал, как он выглядел и что говорил. Глупый полицейский – разве мы могли ответить, если друг был выдуманный, то есть его вообще не существовало?

Короче, я передумал брать его на место Оккамы. Тут не место тупицам без воображения.

Правда, позднее я стал склоняться к тому, что в рассуждениях полицейского есть логика. Судите

